

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.26>

Набиуллина Аделя Наилевна

"ПОДПОЛЬНЫЙ" ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. АБУЗЯРОВА)

Статья посвящена осмыслению образа "подпольного" человека в современной русскоязычной прозе И. Абузарова, творчество которого вступает в диалог с Ф. М. Достоевским. Основное внимание акцентируется на исследовании характерных черт "подполья" и героев "подполья", а также на полемике философии "подполья" Ф. М. Достоевского с философией "подполья" И. Абузарова. Сделан вывод о сходстве и различиях "подпольного" человека в творчестве И. Абузарова и парадоксалиста Ф. М. Достоевского. Установлено, что "подполье" выполняет идентифицирующую функцию, с помощью "подполья" раскрываются характеры героев. В данной работе предпринята попытка осветить диалогические отношения, возникающие в творчестве современного писателя и классика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 123-127. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Для понимания сущности литературы они считали необходимым раскрыть смысл языковых значений и различий. Определением литературы, таким образом, становится представление о ней как об области художественного творчества, отличающейся многозначностью текстуальных форм.

Список источников

1. **Барт Р.** Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387-422.
2. **Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. **Барт Р.** Нулевая степень письма. М.: Прогресс, 2000. 431 с.
4. **Деррида Ж.** О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
5. **Деррида Ж.** Письмо и различие. М.: Акад. проект, 2007. 432 с.
6. **Иглтон Т.** Теория литературы. Введение. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. 296 с.
7. **Кекеева Т. М.** Интерпретация сущности литературы в феноменологической критике и герменевтике // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 106-110.
8. **Семиотика и искусствометрия:** сборник / пер., сост. и ред. Ю. М. Лотман и В. М. Петрова. М.: Мир, 1972. 364 с.
9. **Соссюр Ф. де.** Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2001. 280 с.
10. **Фуко М.** Что такое автор? // Современная литературная теория: антология / сост. И. В. Кабанова. М.: Флинта, 2004. С. 70-91.
11. **Barthes R.** Sade, Fourier, Loyola. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1989. 252 p.
12. **Barthes R.** S/Z. L.: Cape, 1975. 373 p.
13. **Eagleton T.** Criticism and Ideology. L.: Verso, 1976. 92 p.
14. **Falk W.** Vom Strukturalismus zum Potenzialismus: Ein Versuch zur Geschichts- und Literaturtheorie. München: Alber, 1976. 399 S.
15. **Jacobson R.** Linguistics and Poetics // Style in Language / ed. by Th. A. Sebeok. Cambridge, 1975. P. 21-40.
16. **Levi-Strauss C.** The Savage Mind. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1966. 247 p.
17. **Warren R. P.** Talking: Interviews. 1950-1978 / ed. by F. C. Watkins, J. T. Hiers. N. Y.: Random House, 1980. 304 p.

INTERPRETATION OF LITERATURE ESSENCE BY STRUCTURALISM AND POSTSTRUCTURALISM

Kekeeva Tat'yana Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ogolova Lyudmila Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dal'dinova El'za Ochir-Goryaeva, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista
T.Kekeeva@yandex.ru; ogolova.ludmila@yandex.ru; daldinova@mail.ru

The article attempts to study the interpretation of literature essence on the basis of the conceptions of structuralism and poststructuralism. The focus is on literature as a result of creativity with special requirements. Basing on the analysis of the attitude of the two schools (structuralism and poststructuralism) to the text, sign, meaning, it is shown that structuralists and poststructuralists promoted the emergence of new views on the essence of literature in terms of understanding the sign and symbol as the basis of language, writing and literature.

Key words and phrases: R. Barthes; interpretation; criticism; literature; structuralism; poststructuralism.

УДК 82.01/09

Дата поступления рукописи: 06.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.26>

Статья посвящена осмыслению образа «подпольного» человека в современной русскоязычной прозе И. Абузьярова, творчество которого вступает в диалог с Ф. М. Достоевским. Основное внимание акцентируется на исследовании характерных черт «подполья» и героев «подполья», а также на полемике философии «подполья» Ф. М. Достоевского с философией «подполья» И. Абузьярова. Сделан вывод о сходстве и различиях «подпольного» человека в творчестве И. Абузьярова и парадоксалиста Ф. М. Достоевского. Установлено, что «подполье» выполняет идентифицирующую функцию, с помощью «подполья» раскрываются характеры героев. В данной работе предпринята попытка осветить диалогические отношения, возникающие в творчестве современного писателя и классика.

Ключевые слова и фразы: русскоязычная проза; «подполье»; «подпольный» герой; образ; мотив; И. Абузьяров; диалог; диалогические отношения; идентификация.

Набиуллина Аделя Наилевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
scar-sky@rambler.ru

**«ПОДПОЛЬНЫЙ» ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. АБУЗЬЯРОВА)**

Тема «подполья» и «подпольного» человека зачастую рассматривается литературоведами в контексте исследования творчества Ф. М. Достоевского. Однако есть учёные, утверждающие, что данный тип значим

для русской художественной антропологии в целом. В частности, в работе К. В. Касаткиной выдвигается гипотеза о том, что «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского особым образом повлияли на творчество В. М. Гаршина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева и Ю. К. Олеши, М. Н. Альбова и В. П. Свенцицкого [7]. Как отмечает учёный, для психологии «подполья» характерны такие антиномичные черты, как самоуничижение и гордость, чувства стыда и одиночества, двойственность сознания [Там же]. По замечаниям других исследователей, природу «подпольного» человека можно определить следующими чертами: «...ей присущи антиномичность, рациональность, загадочность, энергичность, сознательность. Для “подпольного” человека характерны стремление воли к власти, свободе, страданиям. Подчеркнём, что в нашей антропологической методологии у мыслителя “подпольный” человек есть срединный человек, а это начало пути человека, который может продолжиться как вниз (падение), так и вверх (взлёт)» [6, с. 36].

По словам Н. А. Бердяева, Ф. М. Достоевский «сменил ткань души». «Души, пережившие Достоевского... пронизываются апокалиптическими токами, в них совершается переход от душевной середины к окраинам души, к полюсам» [4, с. 180]. То же свойственно и героям И. Абузярова, в творчестве которого возникает диалог с классиком. Исследование типов диалогических отношений с традициями русской классики XIX в., и прежде всего с творчеством Ф. М. Достоевского, представляется **актуальным** и значимым для понимания специфики художественного метода И. Абузярова, создающего произведения в парадигмах разных национальных и культурных традиций.

Научная новизна настоящего исследования определяется его материалом: творчество И. Абузярова представляется малоизученным (из серьезных литературоведческих исследований заслуживает внимания статья Д. Уффельманна [11]) и требует обоснованной и адекватной эстетической оценки. **Задачей** нашей работы является рассмотрение диалога и диалогических отношений, возникающих в творчестве современного писателя и классика.

В творчестве Ф. М. Достоевского «подпольный» человек – это тип большинства, а у И. Абузярова «подпольный» человек – это, скорее, исключительная личность, часто проявляющая себя в бунтарстве, пусть даже таком, которое может навредить не только окружающим, но и ему самому.

С. А. Никольский считает, что «подпольный» «не может не сознавать спрятанные в действительности великие силы, которым он не может противостоять со своими претензиями на истину и величие. Эта реальность беспощадно смеется над ним. Отчего “подпольные” ищут “оригинальности”? Причина – жажда отличиться “чем бог послал”, хотя бы и низостью – лишь одна часть объяснения. Другая же – в их органическом стремлении не быть похожими, в том числе и на людей “практических”, то есть имеющих положение и состояние. Боязнь быть ординарным, “серым” – это чувство, похоже, преследует всех “подпольных”. Пожалуй, одно из самых любимых дел “подпольных” – выискивание черт “подпольности” у других, нормальных людей и способствование их развитию в полноценных “подпольных”. Иными словами – низведение сколько-нибудь оскolzнувшегося в грязь человека на самое глубокое место в грязной луже, чтобы получше грязью замарать» [9].

А. Б. Криницын отмечает неумение парадоксалиста коммуницировать: он «пытается преодолеть пропасть, которую ощущает между собой и другими, одним головокружительным прыжком – полным откровением... Таким образом, “чужест” преодолевается незаконным путем – через “ломание стены” между собою и “другим»» [8, с. 137-138].

По мнению А. П. Скафтымова, гордость и страдания необратимо связаны друг с другом в характере «подпольного» человека: «Страдающий герой находит в страдании повод к какой-то особой выделенности, как бы внутреннее право на особое внимание и признание, и в этом смысле любит боль. Все это в совокупности называется “наслаждением обидой»» [10, с. 197-198].

Схожие характеристики имеют и некоторые герои произведений И. Абузярова, некоторых из которых он называет «подпольными».

В рассказе «Чингиз-роман» (2004) Азат Кеше («свободный человек») называет себя Шихи Хутуху (Писчий Чингиз-хана). Приверженность героя к этническим обрядам и традициям, соблюдение определённого свода правил кочевого народа – Ясы, с одной стороны, и светская жизнь в современном обществе – с другой, вынуждают героя существовать в двойственном мире. По вечерам, ведомый стук-звездой (это из авторского теста. – А. Н.), Азат является воином: физически сильным, диким, агрессивным, первобытным. Закрытый и одинокий герой, странный, по разумению современного общества, сравнивается с волком. Он волк-одиночка, идущий по жизни с единственной целью – славить великого Чингиз-хана. Обидчивый и мнительный герой отвечает на косой взгляд дракой, на мелкое кажущееся оскорбление – кровопролитием. Через призму мнительности окружающий мир кажется ему озлобленным, настроенным против него и его хана. Прикрываясь внешним стремлением строго соблюдать Ясу, Азат заставляет страдать многих людей: официанта в кафе, случайного менялу, безобидных подростков, своего друга и любимую женщину.

В отличие от парадоксалиста Ф. М. Достоевского, Азат Кеше ещё выходит в люди, но делает это с большим нежеланием и под давлением давнего знакомого. Кроме того, агрессия Азата открыта, он направляет ее на обидчиков, прибегая к физическому насилию. С одной стороны, чрезмерную агрессивность и драчливость героя можно воспринимать как явление пресловутого «гопничества». Но сложная двойственность сознания героя, постоянное анализирование своего поведения, чувство стыда, испытываемое героем, дают нам понять, что перед нами личность более глубокая, чем кажется на первый взгляд. Присущее герою чувство гордости от своей исключительности и одновременно самоуничижения, которое он испытывает всякий раз, думая о своём хане, заставляет личность героя распадаться: он теряет эпическую целостность и испытывает

чувство стыда за то, что опозорил и предал своего хана, когда влюбился. Попадая в ситуацию этической и психологической двойственности, герой страдает: «В душе героя происходит мучительная борьба между “природой” и “цивилизацией”, между стихийным, жестоким и вместе с тем героическим образом жизни, с одной стороны, и пробудившимся чувством личности, индивидуальным началом, выражающимся в любви к женщине, которая воспринимается как предательство своего хана, – с другой» [3, с. 102].

Презрение и чувство отвращения к окружающим выражаются в вопросах, которые герой задаёт самому себе, рассуждая о предательстве своего хана из-за любимой женщины: «Неужели меня поглотила ее воздушная, как замок, лоскутная и холодная, как атласное покрывало, культура? Неужели я ей поддался? Восхитился? Начал подражать этой культуре? Отказался от Чингиз-поэзии? Стал подражать своим трусливым, беспомощным, слабовольным врагам? Стал таким же, как они?» [2, с. 95].

В этой ситуации, подобно парадоксалисту, отказавшемуся от Лизы, герой отказывается от любви к женщине Жене. Он добровольно становится мучеником, отказавшись от любви и отдавшись на суд пятнадцати подросткам, которых он сам же настроил на драку. И здесь мы находим сходство с парадоксалистом, поскольку по собственному признанию он сам был главным мучеником.

Разумеется, Азат Кеше, как герой Достоевского, не знаком с философскими трудами Канта, Штирнера, Шопенгауэра, он не читал Чернышевского, Некрасова, Гоголя, Гончарова, Пушкина, Байрона и Гейне, но он точно так же задумывается о вреде цивилизации, поглощающей всё вокруг, и самое главное – человека. Парадоксалист размышляет над вопросами о том, что от цивилизации человек стал хуже и гаже. Азат Кеше испытывает подобные чувства и рассуждает о вреде цивилизации так: «Изредаемый виной предательства от одной только мысли, что я чуть было не окультурился, чуть было не стал “цивилизованным человеком”. Что такое стать “культурным”? Переспать с женщиной, не питающей ни малейшего уважения к мужчинам? Написать роман о сражениях вместо того, чтобы самому в них участвовать? Назвать волю и свободу варварством и дикостью?.. Нет, я не такой!» [Там же, с. 96].

«Эмоционально-психологическое состояние героя, добровольно принимающего месть пятнадцати подростков, избивающих его, проецируется на законы мироздания и космоса, в изображении которого мифопоэтический аспект поглощает личностный» [3, с. 102].

В другом рассказе – «Гламур в трущобах» (2007) – писатель знакомит нас с историей девушки с обложки и парня с последней страницы. История о неразделённой, но, на первый взгляд, казалось бы, возможной любви между героями начинается с запахов. Запахи «подполья» и «гламура» ежедневно окружают героя в лифте, либо погружая его в бездну и заставляя от отвращения морщить нос, либо позволяя млеть от восторга, поднимаясь в небеса. Постоянные встречи героя с соседями в лифте и его рефлексия на тему социального положения и его значения для человека невольно заставляют ассоциировать обычный лифт жилого дома с социальным лифтом.

Говоря о характере «подпольного» человека, И. Абузяров пишет следующее: «Подпольный человек – он сам себе автор и модельер. Пусть доморощенный, смешной, неуклюжий, в трико с отвисшими коленями, но модельер. Он много рефлектирует и не выносит чужого вмешательства в свою странную жизнь-рефлексию. Он терпеть не может, когда кто-то пытается познакомить его с какой-нибудь особой или заводит разговор о женитьбе.

Оставаясь закупоренным в бутылке, как в ракете, варясь и бродя в вине, словно в собственном соку, он в мечтах бродит по звездам. Копаясь пальцами в собственном носу, как в банке с кислой квашеной капустой, он настойчиво ковыряется в себе. В своем неистовом желании спасти мир и докопаться до истины он упрямо движется то вверх, то вниз, как и лифт» [1].

В представлении И. Абузярова, «подпольный» человек – это человек, добровольно стремящийся к одиночеству, о чем свидетельствуют его поступки и размышления. Он каждый день тайно мечтает о «девушке с обложки», но, познакомившись с ней лично и даже понравившись ей, добровольно уходит в себя, потому что «подпольный» человек – это «человек – складка в подкладке», «человек-щель». Он всегда угрюм, одинок, но при этом постоянно рефлектирует. Рефлексия – это его особое отношение к миру. Он морщит нос от гнусных запахов в лифте, но при этом сам пахнет потом, перегаром и сосисками с луком. У героя И. Абузярова немного развлечений: прогулки в лесу, завтраки в кафе, разговоры с собакой и мечты о «девушке с обложки». Писатель несколько раз задаётся вопросом, кто же он – «подпольный» человек? По мнению И. Абузярова, для того чтобы «получилось написать о подпольном человеке, нужно добавить немного дисгармонии, немного треша, горчицы» [Там же]. Несмотря на необходимый для «подполья» «треш», герой обладает достаточно заурядной биографией: неоконченное среднее образование, работа на заводе, жизнь с матерью-одиночкой, которой он обещал обязательно жениться. Вместо друга – собака, на досуге – двухтомник Кандинского, который герой прочёл дважды, но так и не понял.

Рассказ построен по принципу антитезы, что позволяет проводить явные параллели между человеком «подпольным» и человеком «гламурным». При этом мы не обнаруживаем особенного контраста биографий героев, так как и «девушка с обложки» из провинции, малообразованна, у нее нет близких друзей: «Глянцевенькая, гламурненькая – она тоже вне социума. Она сама небожитель индуистских, буддистских представлений о сверхмире с его фантастическими сверхсущностями. Хотя наша героиня тоже происходит из общества далеко не высшего» [Там же].

«Девушка с обложки» – недостижимая и невероятная в мыслях «подпольного» человека – оказывается простой девушкой из провинции, ищущей любви, поддержки и защиты. Зависимая от своего благодетеля

и «босса» девушка вынуждена жить в однокомнатной квартирке с кучей бытовых проблем, которые способен решить только мужчина. И этим мужчиной оказывается сосед. Но он – тот самый «подпольный» человек, который решил для себя, что она для него останется только «девушкой с обложки». Несмотря на видимую антитезу, герои оказываются близки по духу, по типу сознания. Писатель отмечает, что и «подпольный», и «гламурный» человек – вне социума. «Гламурная» мечта «подпольного» человека – небожитель, представления о мире которой абсолютно не схожи с реальностью. «Гламурная» девушка не приспособлена к жизни точно так же, как и «подпольный» человек. В погоне за красивой жизнью «девушка с обложки» упускает возможность получить образование, полностью попадает под влияние своего «босса», не может самостоятельно найти работу и обеспечить себя. У неё нет постоянных друзей, она коротает вечера в ожидании «босса», без которого неспособна решиться на самостоятельную жизнь.

«Подпольный» человек оказывается вне социума, потому что желает быть только наедине с собой. Он пропускает похороны и свадьбы, пропускает саму жизнь: «Подпольный человек – он весь в себе. Он всегда и весь шиворот-навыворот, наизнанку. Он словно напрашивается, чтобы его еще раз побили. Он носит ботинки и пальто по десять сезонов, он лезет туда, куда его не просят, и не идет туда, куда зовут. Он рубаха нараспашку каждую минуту, потому что живет навыпуск, на надрыв» [Там же]. Жизнь вне социума, отсутствие должного образования и хорошей работы, неуверенность в себе в конечном счёте привели к низкой самооценке «подпольного» человека. Он боится женщин, боится любви и её проявлений, потому что не уверен в себе, но абсолютно уверен в том, что он не может понравиться женщине: «Сам он считает, что ни при каких обстоятельствах он не понравится, потому что у девушек слишком высокие запросы. А у него даже нет полного среднего образования»; «Стоит только на горизонте мелькнуть мало-мальски похожому на женщину существу, как он тут же начинает строить неприветливое выражение лица и разговаривать с собакой, как когда-то разговаривал со школьным другом Олегом при появлении симпатичной одноклассницы» [Там же]. Несмотря на внешне пренебрежительное отношение к женщинам, «подпольный» человек лелеет свою любовь. Прежде чем нарисовать её образ в чистовике, он много тренируется на салфетках, думая о том, что, возможно, он даже приблизится к уровню мастерства великих художников, если ему удастся запечатлеть её образ таким, какой видится ему в мечтах.

Но автор не оставляет попыток свести героев друг с другом. Он размышляет, где бы могла произойти их встреча. О чём бы они могли поговорить при случае и что могло бы получиться из этого. Встречи в парке, в супермаркете, в кафе кажутся автору хоть и возможными, но недостаточно сильно «пугающими» для героев. Поэтому он решает свести их в тесном пространстве, где герои не могут никуда деться друг от друга: он решает свести их в лифте, а затем еще ближе – в квартире «гламурной» особы. Несмотря на максимальное сближение и взаимное расположение девушки к герою, к «подпольному» человеку невозможно пробиться, так сильно он закоснел и очерствел в своём одичалом подполье. И в этом его трагизм. Герой коротает свои дни в одиночестве, предпочитая собаку обществу любимой женщины, считая себя недостойным ни её любви, ни её участия. Ф. М. Достоевский именно в этом и видел трагизм подполья: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!.. Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону» [5, с. 329]. «Подполье» для героя Абузярова оказывается дороже и роднее всего на свете, и неважно при этом, что мечты о любви окажутся нереализованными, а любимая женщина будет убита. Само по себе являясь глубинами души героя, «подполье», словно корни, из которых растёт человеческое нутро, подсказывает герою, что настоящая жизнь полна страхов и жестокости: «Он давно понял, что внешний мир – лишь страдание и страх. И что страданий и страха не существует, если отгородиться от них стеной. Что страдание и страх – иллюзия, они улетучатся, стоит перестать обращать на них внимание» [1]. Понимание жестокости жизни объясняет желание «подпольного» человека отгородиться от внешнего мира настолько, что герой даже не пытается защищаться от обвинений в убийстве любимой женщины. Его дни будут сочтены уже во внешнем «подполье»: толстые звуконепроницаемые стены, железные двери с засовом в психбольнице.

Таким образом, диалогические отношения в творчестве И. Абузярова и Ф. М. Достоевского проявляются на уровне аллюзий, сближая героев современного писателя с парадоксалистом. Герой «Записок из подполья» утверждает, что «сознание – болезнь» [5, с. 101]. Современные герои «подполья» в буквальном смысле страдают болезнями сознания – имеют психические отклонения. Азат Кеше, герой «Чингиз – романа», легко выходит из себя, у него часто случаются приступы агрессии, он психически неуравновешен, а герой рассказа «Гламур в трущобах» заканчивает свою жизнь в стенах психиатрической больницы, поскольку признан невменяемым. Эти герои, по мнению общества, не могут жить в обществе, поэтому не только сами герои отгораживаются от внешнего мира, но и мир отвергает их. Рефлектирующие и легкоранимые герои И. Абузярова чувствуют свою ненужность и оттого всё сильнее укореняются в своём «подполье». «Подпольность» как онтологическая ситуация, идейное и психологическое пространство становится фактором, определяющим процесс идентификации и самоидентификации персонажей прозы И. Абузярова. Подобно своему предшественнику, он использует в качестве основного средства раскрытия характера «подпольного» человека исповедальный самоанализ героя. При этом каждый из героев, склонных к психоанализу, обнаруживает в себе и в других людях, что человеческое достоинство бывает неотделимо от человеческого ничтожества, но в отличие от других людей этот вывод не делает их более защищёнными от внешних проявлений мира, и они вынуждены оставаться в своём «подполье» одни.

Список источников

1. **Абузаров И. А.** Гламур в трущобах [Электронный ресурс]. URL: <http://glfr.ru/biblioteka/ildar-abuzjarov/glamur-v-trushhobah.html> (дата обращения: 10.06.2019).
2. **Абузаров И. А.** О нелюбви. Роман с жертвой. Казань: Идель, 2016. 256 с.
3. **Аминева В. Р., Набиуллина А. Н.** Номинация как способ идентификации персонажа в прозе И. Абузарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность». 2018. № 1. С. 98-109.
4. **Бердяев Н. А.** Миросозерцание Достоевского. М.: Хранитель, 2006. 256 с.
5. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1976. Т. 16. Подготовлено: рукопис. ред. / текст подгот. А. В. Архипова, Г. Я. Галаган, И. Д. Якубович. 440 с.
6. **Капец В. П., Макеев С. В., Капец О. В.** Антропология «подпольного» человека (на материале повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья») // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 3 (163). С. 33-37.
7. **Касаткина К. В.** О некоторых особенностях психологии «подполья» в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 1. С. 164-171.
8. **Криницын А. Б.** Исповедь подпольного человека: к антропологии Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 372 с.
9. **Никольский С. А.** Достоевский и явление «подпольного» человека [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=439&Itemid=5 (дата обращения: 10.06.2019).
10. **Скафтымов А. П.** Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 536 с.
11. **Уффельманн Д.** Игра в номадизм, или Постколониальность как прием (случай Ильдара Абузарова) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12454/ (дата обращения 01.05.2018).

**“UNDERGROUND” PERSON IN THE MODERN RUSSIAN PROSE
(BY THE MATERIAL OF I. ABUZYAROV’S WORKS)**

Nabiullina Adelya Nailevna

*Kazan (Volga Region) Federal University
scar-sky@rambler.ru*

The article is devoted to interpreting an “underground person” image in the Russian prose by the modern writer I. Abuzjarov whose creative work echoes F. M. Dostoevsky’s works. The researcher’s attention is focused on identifying the typical features of “underground” and “underground persons” and on the polemics of F. M. Dostoevsky’s and I. Abuzjarov’s “underground” philosophy. The findings allow concluding about similarities and differences of “underground persons” in the creative work of I. Abuzjarov and paradoxicalist F. M. Dostoevsky. It is shown that “underground” performs the identifying function; it helps to reveal the personages’ characters. The paper considers dialogic relations in the creative work of the modern writer and the classical writer.

Key words and phrases: Russian prose; “underground”; “underground person”; image; motive; I. Abuzjarov; dialogue; dialogic relations; identification.